

количество фамильного столового серебра, мягкая бархатная мебель, ковры, паркет, прекрасное пианино. У всех разбежались глаза. Пьем из драгоценных бокалов, кушаем со старинного фарфора. Меня вначале заразил азарт трофейщины. Я набрал массу бриллиантовых украшений для Фаинки, нашел прекрасные шелковые и тонкие шерстяные носки, великолепные кожаные желтые перчатки на меху и массу всякой дряни. Потом поборол себя, выбросил. Нашел коробку с немецкими орденами, сдал их в политуправление.

Лучше всего растапливать печь скрипками

20 февраля 1945 года

Сию на свежем воздухе. Варю кур. Высоко — высоко гудят немецкие самолеты. Передовая рядом. Допрашивали немца: унтер — офицера. Боятся страшно. Объяснил, что расстреливать не будут, отправят в Россию на работы. Обрадовался. Артиллерия гремит всю. Передо мной лежат два альбома фотографий. Немцы любят сниматься, теперь разжигаю их фотографиями. Сегодня установил, что лучше всего растапливать печь скрипками — дают много жару и быстро воспламеняются. Стал циничным и жестоким. Мечтал — как возвращусь домой. Днем или ночью? Когда мечтаешь, время идет быстрее и устаешь будто бы меньше. Уже два месяца, как я тебя не видел. Но верю в свою звезду.

23 февраля 1945 года

Сегодня день Красной Армии — там, в России. Здесь теплый день, светит солнышко, дороги расползлись. 21 — го мы, пять человек, т.е. капитан Дубинин, старший лейтенант, старшина, солдат и я, в качестве переводчика, выехали после обеда. Получили задание собрать трудоспособных немцев для земляных работ. Заходили в дом, собирали всех обитателей в одну комнату и выбирали годных. Приказывали. Чтобы брали с собой хлеба на три дня и лопаты. Набрали 68 человек, больше всего молодых девчат от 18 до 22 лет. Ночью шел дождь, многие потеряли в грязи свои туфли, шли босиком, промокли. Я за старшего. Они ко мне относятся с доверием. Привел в дом, нанесли соломы, уложил их спать. Пришло много солдат, приказали всех отогнать. Через час подняли немок на работу.

25 февраля 1945 года

Странная обстановка для фронта. Большая комната. Окна выбиты и заложены соломой, подушками, тряпками. Горит светильник из сала. На стенах картины в поломанных рамах. На полу солома. Вповалку лежат немки, пьют кофе, отдыхают. Играет патефон, пластинки немецкие. Это сейчас моя армия, мои «солдаты». Работают по ночам на передовой, под обстрелом немцев. Роят окопы. Я их именую — «майне гуте золдатен», они смеются. Научились отвечать по — русски: «Все в порядке». Сегодня достал им патефон, достаю обувь, полотенца. Запуганы донельзя. Не боятся, кажется, только меня.

26 февраля 1945 года

Сию как в осажденном замке, в двери ломятся пьяные солдаты, девчата перепуганы. Пришлось одному старому другу набить морду. Грозят меня застрелить, я плюю на это.

Сегодня всю ночь работали под артобстрелом. Дождь, холодный ветер. Сначала нас накрыла наша артиллерия, потом немцы. Девчата перепуганы, но работают. А к свисту пуль уже привыкли, даже шутят. Показывал твои фото, они восхищены: «Прима! Прима!» Говорят, что видели тебя в нескольких фильмах. Я смеюсь. Наступление не удалось, пехоты нет.

27 февраля 1945 года

Только что отправил девчат по домам. Прощание очень трогательное. Тысячи добрых пожеланий. Желают мне увидаться с тобой, быть здоровым и т.п.

Прибыли новые части 105 — полка, увидел друзей старых. В домах играют гармошки, патефоны, аккордеоны.

8 марта 1945 года

Враг жестоко сопротивляется. Раненые, убитые, стоны. Атака не удалась. Я все время не передовой. Щелкают разрывные пули. Немец, кажется, употребляет только разрывные. Выпал снег. Холодно. Ночью сверкают трассирующие пули, рикошетируют от земли, взвизгивают, взлетают ввысь. Ни зги не видно. Били по одиночкам — фрицам из танковых орудий. Командовал сам генерал — майор, командир 37 — й танковой бригады. Подбито два наших танка, и один увяз.